

ВОСПОМИНАНИЯ О МЕЙЕРХОЛЬДЕ

В феврале 1974 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося артиста и режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

Мне хотелось бы рассказать о глубоком впечатлении, которое оставила в моей душе встреча с ним.

В 1920 году, после изгнания из Новороссийска остатков белой армии и установления Советской власти в городе, здесь было много интеллигенции, перебравшейся, в условиях войны и голода, с севера на юг. Был здесь в то время и Всеволод Эмильевич, который работал по специальности в городском театре.

Тогда же была здесь организована при театре балетная студия, которой руководил московский балетмейстер Михайлов. Мне, молодой девушке, только что окончившей школу, удалось попасть в эту студию, и я увлеченно в ней училась.

Однажды Михайлов подошел ко мне на занятии и сказал, что режиссер Мейерхольд просил его прислать к нему ученицу на небольшую роль Снегурочки, и предложил мне пойти на пробу. Несмотря на робость, я все же дала согласие и отправилась в театр с сильно бьющимся сердцем.

Придя в комнату, где в этот момент был Всеволод Эмильевич, я робко представилась ему и сказала, что направил меня к нему Михайлов. Он поздоровался со мною и попросил посидеть и подождать, пока он закончит занятия с одним молодым актером. Присев скромно в сторонке, чтобы не мешать им, я стала невольным свидетелем интереснейшего урока драматургии. Мне не знакома была пьеса, не знаком монолог, который разучивался, но глубокий драматический характер его я почувствовала с первых же слов.

Молодой человек, произнося

слова, выражавшие его сокровенные мысли, сомнения и страдания, стал быстро бегать из угла в угол, резко жестикулировать, повышать голос до страстных восклицаний, закрывать глаза, словом, как говорят некоторые артисты, «рвать страсть в клочки». Мейерхольд молча слушал и курил, не перебивая ученика. Когда тот закончил, Всеволод Эмильевич медленно погнул папиросу и тихо спросил: «Вы всегда так шумите, когда вам тяжело?». Не получив ответа, он добавил: «Я бы шуметь не стал. Вот, пожалуй, что бы я сделал».

Встав в отправную позу у окна, он начал тот же монолог тихим, отчетливым голосом. Фразы его перемежались с паузами и несколькими шагами по комнате. Восклицания звучали скорее просительно, нежели патетично. Глядя задумчиво и сосредоточенно в одну точку, он остановился и, продолжая говорить, стал, как бы ища папиросы, похлопывать себя по карманам. Наконец папиросы были найдены. Не глядя на портсигар, поглощенный своими мыслями, он привычным жестом открыл портсигар и вынул папиросу. Продолжая говорить, он спрятал портсигар и, держа папиросу в руке, тем же механическим движением стал искать по карманам спички.

Мое внимание было приковано к его интонациям, живым и правдивым, к его естественным жестам.

Наконец спички были найдены. Не глядя на коробок и продолжая говорить, он вынул спичку и чиркнул ею сильно по коробке. Спичка сломалась. Бынул вторую, чиркнул, не глядя, она не зажглась. Чиркнул еще раз, опять мимо. Последовал короткий жест раздражения, пауза недоумения... Секунда внимания к пичке, и она зажеглась. Монолог продолжается. В од-

ной руке незажженная папироса, в другой — горящая спичка. Внимание его по-прежнему сосредоточено на своем переживании. Спичка горит... Догорает... Он жестикулирует, догорающая спичка обжигает вдруг его пальцы, и он со злобой отшвыривает ее в сторону...

Ученик сидит молча. Я тоже замерла, очарованная силой таланта, глубиной раскрытия душевной драмы и жизненной правдой поведения и жеста артиста. Не помню уже, как Мейерхольд отпустил ученика. Встрепенулась я только тогда, когда он подошел ко мне и сказал: «Мне надо, чтобы вы, Снегурочка, медленно опустились на пол со словами: «Я таю». Попробуйте». Я, находясь под впечатлением увиденного, встала и тихо сказала, что вряд ли сумею. «Попробуйте», — повторил он. Я попыталась сделать так, как он просил. Взглянув на часы, Мейерхольд сказал: «Я спешу сейчас, спасибо. Я передам через Михайлова, когда вы будете мне нужны».

Снегурочку играть ни мне, ни другим так и не пришлось. Кажется, эта инсценировка не попала в репертуар ближайших постановок.

Но вскоре в театре была поставлена, кажется, к празднику Октября, оратория, с пением, декламацией и торжественным выходом Красного знамени. Режиссером был Мейерхольд, и мне опять пришлось с ним встретиться.

Через несколько дней после этого вечера мы узнали, что Всеволод Эмильевич уехал в Москву. Вскоре уехал и Михайлов, и студия прекратила свою работу.

Больше я не видела Мейерхольда, но встреча с ним и его показательный урок актерского мастерства остались у меня в памяти на всю жизнь.

Г. ВИШНЕГОРСКАЯ.

Новороссийский рабочий
Г. Новороссийск

23 ФЕВ 1974